

СЛАГАЕМЫЕ ТАЛАНТА

В каждой хорошей книге есть подтекст — тот глубинный пласт который можно обнаружить только при внимательном чтении. Подтекст раздвигает границы повествования, позволяет читателю провести параллель, увидеть схожесть между судьбой данного литературного персонажа и кем-то другим, реальным или созданным писательской фантазией.

умении откликаться на политические события. Дуров живой человек — ярко талантливый и противоречивый, прокладывающий в искусстве новые пути и иногда искренне заблуждающийся.

Дуров — новатор. Он знает требования времени, это позволяет ему ломать штампы, которые губят настоящее искусство. Новаторство Дурова объяснялось тем, что он чутко прислушивался к эпохе, что его искусство было адресовано галерке.

Анатолий Дуров показан В. Кораблиновым как национальный тип художника, ярко и остро чувствующий все русское, отечественное. Именно национальному калориту русского клоуна аплодировали Париж и Мадрид. Удивительным в натуре Дурова было то, что, несмотря на привязанность к родному, русскому, он был лишен чувства национальной исключительности. Он был в самом высочем смысле интернационалистом, умеющим уважать чужие политические свободы.

Как всякий большой художник, Дуров отличался глубокими знаниями в различных областях искусства: оригинальный клоун, поэт, режиссер, мастер импрови-

В НЕДАВНО вышедшей в Центральном - Черноземном издательстве книге В. Кораблинова «Браво, Дуров!» чувствуется глубинный пласт авторских наблюдений над жизнью, размышлений над судьбой художника. Главный ее герой — Анатолий Дуров — натура увлекающаяся, пламенная. Чем-то он напоминает другого великого артиста — Федора Шаляпина. Кажется, что Дурову все дается легко, что он не знает мук творчества, что грозное слово «кризис» никогда не коснется этого любимца публики. Баловня судьбы, человека дерзостной смелости. А в том, что он смел до безрассудства, читатель убеждается на многих примерах.

В Испании коррида? К Дурову в цирк публика не пойдет? Не бывает этому! Он, Дуров, заставит темпераментных испанцев позабыть корриду ради корриды; но в роли тореадора выступит он,

Анатолий Дуров. В следующий раз, гастролируя в Германии, он зло высмеет кайзера Вильгельма, за что и будет препровожден в Маобитскую тюрьму. Много раз будет испытывать судьбу дерзкий смельчак: он одним из первых поднимется в воздух на самолете, он переплывает Ла-Манш.

Дуров по-хорошему жаден к жизни. Кажется, что он коллекционирует не только редкостные, дорогие вещи, но больше — впечатления, которые ему в изобилии дают поездки, гастроли, встречи с публикой и российскими держимордами. Начало и расцвет дуровского искусства были блистательны потому, что он творил ради галерки, бешено аплодирующей ему, был выразителем настроений этой демократической публики.

В книге «Браво, Дуров!» В. Кораблинов развивает мысли о вдохновении артиста, о секретах его признания, об

защиты, любитель музыки. Сила дуровского искусства — в его тесной связи с политикой. Обращая свое искусство к широкому демократическим массам, Анатолий Дуров репозиционизировал сознание масс.

Показав артиста на гребне славы, В. Кораблинов знакомит нас с Дуровым, переживающим творческий кризис. Умиравший Дуров мысленно обращается к разным периодам своей жизни. Экскурсы в детство, страницы начала великой биографии, снова возвращение вспять, воспоминания о триумфах и мучительные раздумья об ошибках. В. Кораблинов приводит читателя к выводу о том, что русская публика является точным барометром для артиста. Галерка не простит никому, даже своему любимцу, ухода от злобы дня. Как Антей непобедим до тех пор, пока стоит на земле, так и художник непобедим, пока в своем искусстве он опирается на вкусы демократического зрителя.

Многомерный, живой характер Дурова — большая удача В. Кораблинова. Еще на одном примере писатель доказал, как богата и талантлива русская натура.

С. ШАМАЕВА,
доцент Воронежского педагогического института.